

ТРЕУГОЛЬНИК ИНДИЯ – КИТАЙ – США В ЮЖНОЙ АЗИИ

Сергей ЛУНЕВ, Анатолий ДАВЫДЕНКО
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье анализируются пути трансформации Южной Азии, специфика внешнеполитических стратегий великих держав, сопряженность регионализации / глобализации (их сочетание или противостояние), а также перспективы противостояния / взаимозависимости сверхкрупных стран в регионе. В настоящее время Южная Азия неизбежно испытывает на себе многосторонние и неоднозначные последствия крупнейших геополитических сдвигов. Анализ текущей ситуации приобретает особое значение, поскольку данный регион в определенной мере отражает изменившуюся глобальную обстановку. В Южной Азии расположены государства, которые существенно отличаются друг от друга по численности населения, географическим масштабам, военной и экономической мощи, научно-техническому потенциалу, цивилизационным особенностям и другим параметрам, которые определяют все аспекты межгосударственных отношений. Индия по всем базовым параметрам намного превосходит всех соседей по региону вместе взятых, что порождает у них особые опасения и вызывает чувство собственной беспомощности. При такой ситуации соседи азиатского гиганта стремятся укрепить свои позиции, делая ставку на внерегиональные державы (в настоящий момент это, прежде всего, Китай) и вынося спорные вопросы во взаимоотношениях с Индией на международное обсуждение. В статье разбираются такие вопросы, как воздействие внешнего фактора на международную обстановку в Южной Азии, существенные перемены в положении великих держав после начала постбиполярного периода, индийско-китайское противостояние и негативная для России и Китая роль США в регионе.

Ключевые слова: Южная Азия, Индия, Китай, США, Россия, противостояние, «новая холодная война», внешнеполитическая стратегия

Сергей Иванович Лунев – доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

ORCID: 0000-0002-5850-1188. E-mail: silounev@gmail.com
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Анатолий Юрьевич Давыденко – кандидат исторических наук, доцент МГИМО МИД России.

E-mail: andavy10@mail.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 18.04.2024

Принята к публикации: 31.10.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

В современной мировой системе особую роль играют четыре крупнейшие державы: США, Китай, Индия и Россия. Основной целью данной статьи является анализ подходов внерегиональных игроков к Южной Азии, чья геополитическая и экономическая мощь растет в первую очередь благодаря динамичному развитию Индии. Южная Азия является своеобразной «лабораторией», изучение которой позволяет сделать выводы о системе взаимодействия государств различных масштабов и уровня развития, о модели региональных взаимоотношений и их витальности.

Комплексного исследования поднимаемых проблем в России не проводилось. Чаще всего как отечественные, так и зарубежные авторы концентрируются на анализе отдельных стран региона или конкретных параметрах. Тем не менее есть достаточно обширный корпус источников и литературы, а также значительный объем эмпирических данных по вопросам, освещаемым в статье. Из отечественных авторов, внесших значительный вклад в изучение рассматриваемой темы, следует выделить А.Г. Володина (2016), Н.В. Галищевой и М.С. Решиковой (2021; 2023), А.В. Куприянова (2020; 2023), С.И. Лунева (2019а; 2019b; 2020а; 2020b), Э.П. Шавлай (2020) и Т.Л. Шаумян (2022). Среди зарубежных авторов особого внимания заслуживают исследования К. Баджаи, Дж. Хуанга, К. Махбубани (Bajrai, Huang & Mahbubani, 2016), А. Мазумдара (Mazumdar, 2014), Дж. Миршаймера (Mearsheimer, 2021), С. Мохана (Mohan, 2012) и С. Сингха (Singh, 2013).

Новизна исследования обусловлена выявлением взаимосвязи и взаимовлияния различных аспектов внешней политики, двусторонних и международных отношений. Особое внимание уделено разработке иерархии слагаемых силы в формирующемся международном порядке, а также выявлению факторов, которые в наибольшей степени будут определять безопасность, экономическое развитие и политическое влияние государств. Кроме того, сам исследовательский вопрос, связанный с изучением распространения «новой холодной войны» на Южную Азию, является новым в отечественной науке.

Американо-индийские отношения

В 1990-х гг. роль США и России в Южной Азии существенно ослабла. После распада Советского Союза у власти в России оказались «атлантисты», которые стали уделять значительно меньше внимания Востоку в целом и Индии в частности. Приоритетом внешней политики стало выстраивание отношений с Западом, что фактически предполагало превращение России в его периферийного партнера. Произошел резкий отход от курса на развитие отношений с Индией, Пакистану стало придаваться не меньшее значение, а остальные государства Южной Азии и вовсе исчезли из поля зрения Москвы. С середины 1990-х гг. российско-индийские связи стали понемногу укрепляться, но полного восстановления прежнего уровня двусторонних отношений так и не произошло.

Параллельно начался процесс постепенного укрепления американско-индийских связей. Однако значительный рост интереса Вашингтона к Южной Азии произошел лишь к рубежу XX–XXI вв. США сделали ставку на Индию как на ключевого партнера в регионе. Несмотря на заключение важных соглашений с Пакистаном, Вашингтон рассматривал его преимущественно как инструмент для реализации своих интересов, а после вывода американских войск из Афганистана в 2021 г. значение Пакистана для США еще больше снизилось. Остальные страны Южной Азии, за исключением Индии, оставались на периферии интересов американской политики.

С конца XX в. Вашингтон перестал возлагать ответственность за продолжавшееся насилие в Кашмире и постоянные индийско-пакистанские военные столкновения только на Дели. Активно развивались политическая, военно-политическая, экономическая и культурная составляющие американско-индийских отношений. Особое значение для Вашингтона Индия стала приобретать как антикитайская сила, способная активно участвовать в сдерживании Пекина. Существенное повышение значения южноазиатской державы в системе внешнеполитических приоритетов США было связано именно с этим. Официально Вашингтон опровергает, что военное сотрудничество с Индией направлено на сдерживание Китая. Однако американские военные, демонстрируя значительно большую откровенность, начали открыто заявлять об этом еще два десятилетия назад.

Индия и США прекрасно осознают, что их партнерство во многом основывается на общем стремлении к сдерживанию Китая. Индийско-китайские отношения остаются крайне напряженными, тогда как современное взаимодействие между Индией и США многие политики, эксперты и СМИ характеризуют как «медовый месяц»¹. Пекин с настороженностью относится к перспективе создания «антикитайского блока», что может серьезно затруднить реализацию стратегических целей Китая в Большой Восточной Азии. На сближение с США Индию подталкивают также стратегические партнерства с Японией и Австралией, углубление стратегического диалога с Южной Кореей и Вьетнамом.

Одной из инициатив США стало вовлечение Индии в Четырехсторонний диалог по безопасности (США – Япония – Индия – Австралия) в 2007 г. Хотя этот формат прекратил существование уже через год, в 2017 г. администрация Д. Трампа, отказавшись от реализации Транстихоокеанского партнерства, возродила «Стратегический четырехугольник». Период президентства Трампа ознаменовался существенным укреплением военно-политических связей с Индией, особенно в сфере совместных военно-морских учений. Прежде всего необходимо отметить ежегодные учения «Малабар», в которых в последние годы участвует и Япония.

¹ См., например, Kanthan S.L. (2023) Is the India-US honeymoon coming to an end soon? *Global Times*, 17 December. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1303791.shtml> (accessed 15 July 2024).

США также стали играть бóльшую роль в поставках вооружений в Индию. Хотя Индия остается крупнейшим импортером вооружений в мире, по данным на 2019–2023 гг. США занимали лишь третье место среди поставщиков (Россия – 36% от общего объема импорта, Франция – 33%, США – 11%)². В 2016 г. Нью-Дели и Вашингтон подписали военно-логистическое соглашение, позволяющее военным самолетам и кораблям обеих стран пользоваться базами партнера.

Однако пока нельзя утверждать, что произошел полный разворот Индии в сторону Соединенных Штатов. С момента обретения независимости Индия последовательно настаивает на том, чтобы ее воспринимали как равноправного партнера, в то время как Вашингтон склонен рассматривать других игроков исключительно в качестве «младших братьев». Стремление США к глобальной гегемонии неизбежно вступает в конфликт с независимым внешнеполитическим курсом Дели, который Индия никогда не отказывалась отстаивать.

Следует учитывать и существенные расхождения между Индией и США по глобальным геополитическим и геоэкономическим проблемам. Южно-азиатская держава активно выступает против стремления Запада сохранить доминирующее положение в мировой экономической системе и последовательно поддерживает интересы стран Юга. Особое неприятие у Нью-Дели вызывает перспектива формирования монополярного устройства мира. Эта позиция была зафиксирована еще в соглашениях, подписанных в ходе нормализации двусторонних отношений с КНР в начале 1990-х гг.

В Южной Азии США выступают противником России и Китая. На протяжении более трех десятилетий Вашингтон предпринимает попытки препятствовать развитию российско-индийских отношений. В частности, в 1993 г. США блокировали поставки криогенных двигателей из России в Индию³. В 2022–2024 гг. США усилили давление на Нью-Дели, стремясь принудить его к исполнению антироссийских санкций и сокращению поставок российского вооружения.

Американо-пакистанские отношения

Пакистан стал военным союзником Соединенных Штатов еще в середине 1950-х гг. Однако политика США в Южной Азии всегда зависела от глобальной обстановки, поскольку регион не занимал высокого места в американских внешнеполитических приоритетах. По мнению Исламабада, Вашингтон

² Wezeman P.D., Djokic K., Fleurant G.M., Hussain Z. & Wezeman S.T. (2024) Trends in International Arms Transfers. *SIPRI Fact Sheet*, March. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-03/fs_2403_at_2023.pdf (accessed 15 July 2024).

³ В 1992 г. было заключено соглашение между Индийской организацией космических исследований и Главкосмосом о поставках криогенных двигателей для вывода спутников на околоземную орбиту. США оказали давление на Б.Н. Ельцина, который в июле 1993 г. отказался от сделки. Интересно, что криогенные двигатели можно использовать только в мирных целях, а в августе США предложили Индии свои криогенные двигатели.

неоднократно «предавал» Пакистан. После начала второй войны между Пакистаном и Индией в августе 1965 г. Соединенные Штаты, опасаясь вовлечения в войну КНР, оказали давление и на Индию, и на Пакистан для прекращения конфликта. США прекратили поставки вооружения в Южную Азию, что стало серьезным ударом для Пакистана, получившего от Вашингтона в 1954–1965 гг. военную помощь на сумму 2 млрд долл. (Gupta, 1972). Для Индии же это решение оказалось практически незаметным, так как за 1950–1960-е гг. США оказали ей военную помощь на сумму 87 млн 109 тыс. долл.⁴ (в 1965 фин.г. – 10,3 млн долл.⁵). Американская администрация также заявила Пекину, что не даст ему возможности непосредственно участвовать в индо-пакистанской войне на стороне Пакистана⁶.

После иранской революции и ввода советских войск в Афганистан американо-пакистанские отношения резко укрепились из-за возросшего значения Пакистана для США. На развитие партнерства не повлиял и инцидент в Исламабаде в 1979 г., когда радикальные элементы сожгли американское посольство в ответ на американо-иранский конфликт. В 1980-х гг. Вашингтон предоставил Пакистану военно-экономическую помощь на сумму 3,2 млрд долл., включая поставки 40 истребителей-бомбардировщиков *F-16* (Khalilzad, 1989).

Практически сразу после вывода советских войск из Афганистана произошло резкое снижение уровня американо-пакистанских отношений. Соединенные Штаты не только прекратили оказание экономической помощи Пакистану, но и добились сокращения помощи со стороны МБРР и МВФ. Выполнение соглашения о поставках 60 самолетов *F-16 A/B*, заключенного во время визита премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто в Вашингтон летом 1989 г., было заморожено⁷. Более того, американская сторона отказалась вернуть средства, перечисленные за самолеты⁸.

С началом американской оккупации Афганистана в 2001 г. Соединенным Штатам потребовалась поддержка Пакистана. Интересно, что Вашингтон склонял своего союзника к участию в кампании с заявлениями, что, если Исламабад не согласится, они «вбомбят Пакистан в каменный век» (Musharraf, 2006). Американские войска неоднократно проводили боевые операции на пакистанской территории, в которых гибли сотни пакистанских военнослужащих и мирных жителей.

⁴ United States Interests and Policies toward South Asia. *Hearings before the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 93rd Congress. 1st Session.* Washington, 1973. p. 194.

⁵ Review of United States Government Operations in South Asia. *Senate Document No. 77. 90th Congress, 11th Session.* Washington, 1968, p. 186.

⁶ *Washington Post* (1965) 19 September.

⁷ *The Times of India* (1989) 4 August.

⁸ Fair C. (2021) The U.S.-Pakistan F-16 Fiasco. *Foreign Policy*, 3 February. Available at: <https://foreignpolicy.com/2011/02/03/the-u-s-pakistan-f-16-fiasco/> (accessed 15 July 2024).

Пакистан стал логистическим центром, обеспечивающим поддержку операции Международных сил содействия безопасности, возглавляемых НАТО. В 2003 г. США официально списали пакистанский долг в размере 1 млрд долл.⁹ В 2004 г. президент США Джордж Буш-младший назвал Пакистан основным союзником вне НАТО, что означало наделение Исламабада статусом, позволявшим в том числе приобретать передовые военные технологии. Принятый в США в 2009 г. Закон о расширенном партнерстве с Пакистаном (англ. *Enhanced Partnership with Pakistan Act*) дополнительно обеспечил наращивание двустороннего взаимодействия. В 2010 г. стороны создали механизм Пакистано-американского стратегического диалога, предусматривавший ежегодные встречи на министерском уровне. В рамках диалога было образовано пять рабочих групп, курирующих ключевые направления взаимодействия: экономику и финансы, энергетику, оборону, борьбу с терроризмом, безопасность, стратегическую стабильность и режим нераспространения. США также остаются важным экспортным рынком для Пакистана, а двусторонние торговые отношения характеризуются преференциальными условиями.

Однако американо-пакистанские отношения резко обострились после прихода к власти республиканской администрации в 2018 г. США обвинили Пакистан в поддержке исламистского терроризма, что Индия утверждает на протяжении последних 70 лет. Президент Д. Трамп заявил, что Пакистан «дает приют тем самым террористам, с которыми мы боремся»¹⁰. В 2018 г. Вашингтон приостановил предоставление Пакистану помощи, объем которой, по различным оценкам, варьировался от 1,3 млрд долл. (по словам Д. Трампа) до 1,66 млрд долл. (по данным Пентагона) и 3 млрд долл. (по независимым оценкам)¹¹. Тем не менее уже в декабре 2018 г. Д. Трамп направил письмо премьер-министру Пакистана Имрану Хану с просьбой содействовать урегулированию ситуации в Афганистане. Этот шаг свидетельствовал об осознании Вашингтоном того, что без внешней поддержки стратегия США в Афганистане обречена на провал, что в дальнейшем и подтвердилось.

Китайско-индийские отношения

Китай, в отличие от Соединенных Штатов и России, в постбиполярный период стремился к установлению тесных отношений с соседями Индии. Курс Пекина в регионе стал одним из ключевых факторов, определяющих напряженные китайско-индийские отношения. Индия чрезвычайно обеспокоена

⁹ *Dawn* (2003) Debt write-off by the United States. 5 May. Available at: <https://www.dawn.com/news/100351/debt-write-off-by-the-united-states> (accessed 15 July 2024).

¹⁰ *The White House* (2017) Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia. 21 August. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/> (accessed 15 July 2024).

¹¹ *The Economic Times* (2018) US suspended a total of USD 3 billion in security assistance to Pakistan this year: Sources. 29 November. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-suspended-a-total-of-usd-3-billion-in-security-assistance-to-pakistan-this-year-sources/articleshow/66862254.cms> (accessed 15 July 2024).

развитием партнерских отношений Китая с Пакистаном, особенно в области военного сотрудничества и ядерных технологий. Не менее тревожным для Дели является усиление позиций КНР в зоне Индийского океана, а также укрепление политических и экономических связей Китая с другими государствами Южной Азии, которые нередко воспринимаются как направленные против Индии. В свою очередь, Пекин с подозрением относится к углублению индийских отношений со странами Юго-Восточной Азии, видя в этом элемент антикитайской стратегии.

Обе державы также выражают озабоченность военной мощью друг друга, особенно в ракетно-ядерной сфере. Индия обеспокоена размещением Китаем баллистических ракет в Тибете¹², поскольку их расположение показывает, что они нацелены именно на Индию. Кроме того, постоянное развитие китайской военно-ядерной программы вызывает серьезные опасения в Дели. В то же время Китай внимательно следит за развитием индийской военно-ядерной и ракетной программ, считая, что их основная цель – противодействие КНР. Эти опасения основываются на том, что для конфликта с Пакистаном Индии достаточно ее обычных вооружений, учитывая, что она по всем основным компонентам значительно превосходит Пакистан, у которого основной экономический и демографический потенциал расположен в зоне 100 км вдоль границ с Индией. Военная элита двух азиатских гигантов крайне настороженно реагирует на соседей, что особенно характерно для Индии, где память о поражении в войне 1962 г. остается важным элементом восприятия Китая как основного военного противника.

Крайне медленно продвигаются двусторонние переговоры по территориальной проблеме между Китаем и Индией, несмотря на заключенное в 1991 г. соглашение о недопущении военных столкновений на границе и ограничении на ней численности войск и вооружений. В 2003 г. Пекин согласился признать принадлежность штата Сикким Индии, однако продолжает оспаривать нахождение штата Аруначал-Прадеш в составе Индии и даже выражает официальные протесты по поводу визитов индийских премьер-министров в этот штат.

Кроме того, Китай серьезно озабочен деятельностью тибетских беженцев в Индии, число которых достигает около 150 тысяч человек, включая Далай-ламу, получивших убежище в этой стране после подавления восстания в Тибете в 1959 г. Тибетцы постоянно организуют масштабные антикитайские выступления. Особенно Пекин волнует проблема будущего места рождения нового первосвященника тибетской церкви. Намеки нынешнего духовного лидера на то, что это может произойти в Таванге (штат Аруначал-Прадеш), вызывают особое беспокойство, поскольку это место находится за пределами китайского контроля.

¹² Nair V.K. (2023) The Challenge Posed by China's Military Posture in Tibet. *Indian Defence Review*, 9 March. Available at: <http://www.indiandefencereview.com/spotlights/the-challenge-posed-by-chinas-military-posture-in-tibet/> (accessed 15 July 2024).

В последнее время участились случаи вооруженных столкновений между пограничниками двух стран. Особое внимание мировой общественности вызвали столкновения в Докламе (на китайско-бутанской границе) в июне-августе 2017 г. и в Галване (провинция Ладакх) в июне 2020 г. Несмотря на то, что вместо оружия применялись только камни и палки, в Галване погибли не менее 20 индийских военнослужащих и 4 китайских¹³. 22 июня были проведены инициированные Россией виртуальные переговоры министров иностранных дел трех стран¹⁴, которые поспособствовали согласию азиатских гигантов на нормализацию ситуации, однако Москва подчеркнуто отказалась от попыток выступить посредником.

Однако в январе 2022 г. произошли новые столкновения в Ладакхе, а в декабре того же года – в Таванге. Хотя в этих случаях схватки были менее масштабными и обошлись без жертв, обе стороны продолжили обвинять друг друга в провокациях. На двадцать первом раунде переговоров по приграничной проблеме, состоявшемся в феврале 2023 г., стороны подтвердили намерение сохранять мир на границе, однако вопрос о разведении сил в ряде районов остался нерешенным. Необходимо отметить и плохо развитые связи между Индией и Китаем в культурной области. Главной проблемой индийско-китайских отношений является прямое соперничество двух азиатских гигантов.

По глобальным проблемам у Индии намного больше расхождений с США, чем с Китаем (Лунев, 2019). Южноазиатский гигант не стремится становиться военным союзником Соединенных Штатов, которые находятся в прямом противостоянии с КНР. Индия, проводя традиционную политику лавирования и балансирования, является членом не только Четырехстороннего диалога по безопасности, но и БРИКС, который ставит своей основной целью создание полицентрического мира. В рамках ШОС, которую некоторые западные аналитики рассматривали как потенциальную альтернативу НАТО, Индия не поддерживала идею создания военного блока. Дели ставил задачей укрепление политических, экономических и энергетических связей с Центральной Азией, нормализацию ситуации в Афганистане, усиление борьбы с «тремя силами зла» и создание более благоприятной атмосферы для решения кашмирской проблемы. Однако от участия в ШОС Индия получила мало дивидендов. В первую очередь это связано с позицией Пекина, который, в частности, не принимает конкретных действий по борьбе с международным терроризмом (Лунев, 2020).

¹³ Tirziu A.G. (2023) Rising tensions along the Indian-Chinese border. *GIS (Liechtenstein)*, 8 August. Available at: <https://www.gisreportsonline.com/r/china-india-border-2/> (accessed 31 July 2024).

¹⁴ *The Indian Express* (2020) Jaishankar to hold talks with China, Russia on June 22. 16 April. Available at: <https://indianexpress.com/article/india/jaishankar-to-hold-talks-with-china-russia-on-june-22-6460777/> (accessed 31 July 2024).

Индия демонстрирует крайне осторожный подход на международных форумах, стараясь избегать явной поддержки какой-либо стороны в контексте противоречий, связанных с возникающей «новой холодной войной». Такой же нейтралитет характерен для ее позиции на глобальных площадках, таких как ООН и «Большая двадцатка» (*G20*). В случае лидерства Индия проводит тонкую и взвешенную политику. Например, итоговый документ саммита *G20*, прошедшего в Дели в сентябре 2023 г., не содержал формулировок о так называемой агрессии России на Украине.

Таким образом, одним из основных инструментов стратегии балансирования является участие Индии в многосторонних организациях, которые нередко занимают противоположные позиции по глобальным проблемам.

Китайско-пакистанские связи

Южная Азия особенно значима для Индии, поскольку ее лидерство в регионе обеспечивает легитимность статуса великой державы. Индия доминирует в регионе в политической и экономической сферах, а также имеет превосходство в военной и научной областях. Такое положение Индии существенно влияет на систему международных отношений в Южной Азии.

Соседи Индии испытывают к ней недоверие и, осознавая свою слабость, стремятся к усилению присутствия других великих держав, выступая на их стороне. Если в биполярный период роль балансира против Индии исполняли США, то в постбиполярную эпоху выбором индийских соседей стал Китай. Для Индии это является серьезным вызовом, так как Дели традиционно противостоял попыткам глобальных держав играть самостоятельную роль в региональной системе и выступать в роли посредников.

Даже после отделения Восточного Пакистана и образования Бангладеш в 1971 г. Исламабад продолжает бросать вызов Индии, поскольку Пакистан остался мощной в военном плане страной и продолжает рассчитывать на экзогенную поддержку. Исламский мир традиционно оказывал ему политическую и финансовую помощь. Однако еще в условиях биполярного мира поддержки исламских стран стало недостаточно. На фоне слабого интереса западноевропейских стран, Японии и подхода СССР к региону Пакистан сделал ставку на укрепление отношений с США и КНР. При этом Китай оказался более надежным союзником для Пакистана. Социологическое исследование, проведенное в 2018 г. в крупнейшей пакистанской провинции Пенджаб, показало, что три четверти опрошенных пакистанцев верят в готовность Китая защитить их страну в случае новой индо-пакистанской войны (Clary, Lalwani & Siddiqui, 2021).

Пекин оказывает своему союзнику, Пакистану, значительную поддержку в развитии военной ракетно-ядерной программы. В частности, Китай участвовал в строительстве специализированных ракетных предприятий на территории Пакистана, а все модели пакистанских ракет, способных нести ядерное оружие, за исключением одной, были разработаны на основе китайских моделей. С 2015 г. на долю Китая приходится 75% пакистанских

закупок вооружения¹⁵. Кроме того, в период 2017–2021 гг. количество совместных китайско-пакистанских военных учений ежегодно превышало число российско-китайских¹⁶. Соглашение 2015 г. предусматривает продажу Китаем Исламабаду восьми дизель-электрических многоцелевых подводных лодок, половину из которых планировалось строить на пакистанских верфях¹⁷. Тесно сотрудничают Пакистан и Китай в самолетостроении. Налажен, например, выпуск боевого истребителя-бомбардировщика *JF-17* совместной разработки (существуют планы его продаж в третьи страны).

В 2005 г. Пекин и Исламабад подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедских отношениях. 20 апреля 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин посетил Пакистан с первым за девять лет официальным визитом. Был подписан 51 меморандум о сотрудничестве, обеспечивающих, по обоюдной оценке, выведение двустороннего партнерства на новый уровень. В сентябре 2022 г. прошло 11-е заседание Совместного комитета сотрудничества. Правда, протокол с его итогами долгое время находился на согласовании и был подписан только в июле 2023 г. Официальный визит премьер-министра Пакистана Шахбаз Шарифа в Китай 1–2 ноября 2022 г. и его встреча с Си Цзиньпином подтвердили обоюдный настрой на дальнейшее развитие и углубление двустороннего сотрудничества. Пакистан подтвердил свою поддержку Инициативы глобальной безопасности, выдвинутой Си Цзиньпином в апреле 2022 г. на открытии Баоского азиатского форума, а также готовность участвовать вместе с Китаем и другими странами в ее реализации. Пакистано-китайский диалог высокого уровня продолжался и в 2023–2024 гг., укрепляя стратегическое партнерство между двумя странами.

Инвестиционное и денежно-кредитное сотрудничество с Китаем стало ключевым направлением пакистано-китайского взаимодействия, особенно учитывая критическую финансовую ситуацию Пакистана, который находится на грани долгового кризиса (Замараева, 2023). В 2023 г. Китай продолжил оказывать Исламабаду значительную финансовую поддержку, включая государственные и коммерческие займы.

Крупнейшим совместным проектом двух стран является Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), считающийся частью китайской глобальной инициативы «Один пояс, один путь». Реализация подписанных в этой связи серии двусторонних соглашений потребует китайских инвестиций в размере 62 млрд долл.¹⁸. Эти средства будут направлены преимущественно

¹⁵ Lalwani S.P. (2023) Threshold Alliance: The China-Pakistan Military Relationship. Special Report. *United States Institute of Peace*, March. Available at: https://www.usip.org/sites/default/files/2023-03/sr-517_threshold-alliance-china-pakistan-military-relationship.pdf (accessed 31 July 2024).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ *Ведомости* (2015) Пакистан хочет купить у Китая восемь подлодок на \$5 млрд. 24 мая. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/07/24/602149-pakistan-hochet-kupit-u-kitaya-vosem-podlodok-na-5-mlrd> (accessed 31 July 2024).

¹⁸ Siddiqui S. (2017) CPEC investment pushed from \$55 to \$62b. *Tribune*, 12 April. Available at: <https://tribune.com.pk/story/1381733/cpec-investment-pushed-55b-62b/> (accessed 31 July 2024).

на масштабное преобразование транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры, модернизацию значительной части промышленно-производственной базы и создание особых экономических зон.

Один из центральных совместных объектов в рамках КПЭК – строительство, модернизация и эксплуатация Китаем глубоководного порта Гвадар на пакистанском побережье Аравийского моря. Хотя порт остается в собственности Пакистана, с 2023 г. его эксплуатация осуществляется китайской компанией, которая получает 91% от доходов порта. Кроме того, двусторонний торговый оборот между Китаем и Пакистаном продолжает расти. В 2021 г. он составил почти 28 млрд долл., при этом Китай имеет значительное положительное сальдо (Замараева, 2023).

Нельзя не указать и на появление определенных проблем в экономической подсистеме китайско-пакистанских отношений. В последнее время замедлилась реализация проектов в рамках КПЭК, включая порт Гвадар, что связано с тяжелым политическим и экономическим кризисом в Пакистане. В Пакистане нарастают претензии в отношении конкретной реализации данных программ из-за исключительно своекорыстных подходов Пекина, преследующего только свои интересы. Так, в 2018 г. Пакистан отказался от китайского предложения о строительстве самого высокого в мире гидроузла Диамер-Бхаша стоимостью 14 млрд долл. из-за стремления Пекина полностью контролировать дамбу¹⁹. Однако в 2020 г. соглашение все же было заключено²⁰. Растет и задолженность Пакистана перед Китаем, которая в 2023 г. достигла 30 млрд долл., что составляет 23% от всех внешних долгов страны²¹.

В последнее время определенную сложность в китайско-пакистанские отношения вносила и поддержка пакистанской армией исламистских террористических организаций. Гражданские администрации Пакистана регулярно заявляют о своей непричастности к деятельности этих группировок, что, вероятно, соответствует действительности. Армия Пакистана, являющаяся ключевым политическим актором в стране, традиционно не информирует гражданские правительства о своих действиях в ракетно-ядерной сфере и о взаимодействии с радикальными организациями.

Несмотря на эти проблемы, пакистанская элита считает КНР очень надежным союзником, с которым поддерживается «всепогодное стратегическое сотрудничество и партнерство».

¹⁹ Скосырев В. (2018) На китайском Шелковом пути растет число ухабов. *Независимая газета*, 12 января. Available at: https://www.ng.ru/world/2018-01-12/6_7149_china.html (accessed 20 August 2024).

²⁰ Kiani K. (2020) Rs442bn accord for construction of Diamer-Bhasha dam signed. *Dawn*, 14 May. Available at: <https://www.dawn.com/news/1556951> (accessed 20 August 2024).

²¹ Hussain A. (2023) China to 'deepen and expand' military ties with Pakistan. *Al Jazeera*, 27 April. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2023/4/27/china-to-deepen-and-expand-military-ties-with-pakistan> (accessed 20 August 2024).

Китайско-бангладешские связи

Еще в 1980-е гг. Бангладеш начала ориентироваться на Китай в своей внешней политике, параллельно развивая отношения с США и мусульманским миром. Китай стал для Бангладеш надежным военно-политическим партнером и основным поставщиком вооружения. Президент Х.М. Эршад в 1980-е гг. пять раз посетил Китай. В 1986 г. Бангладеш приняла с официальным визитом председателя КНР Ли Сяньняня, а в 1989 г. – премьер-министра Ли Пэна.

В постбиполярный период ориентация Бангладеш на Китай усиливалась при правлении Националистической партии Бангладеш, ориентировавшейся также на исламский мир. Однако с приходом к власти «Авами лиг», более склонной к сотрудничеству с Индией, эта направленность стала менее заметной. В 2005 г. Китай и Бангладеш подписали соглашение о «долгосрочном и дружественном партнерстве». Во время официального визита премьер-министра Бангладеш Шейха Хасины в Китай в марте 2010 г. было принято решение установить «тесное всестороннее партнерство и сотрудничество», а во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Бангладеш в 2016 г. стороны договорились о придании китайско-бангладешским отношениям статуса «стратегического сотрудничества и партнерства».

В декабре 2002 г. стороны заключили соглашение о сотрудничестве в сфере обороны. В его рамках Китай обязался проводить техническое обслуживание поставленного вооружения, обучать бангладешских военнослужащих, обмениваться военно-политической информацией и осуществлять другие меры поддержки. Уже к началу 2000-х гг. Китай стал главным поставщиком вооружения в Бангладеш. В 2009–2013 гг. 13% китайского военного экспорта направлялось в Бангладеш (Ежегодник СИПРИ, 2015).

В 2012 г. Бангладеш приобрела у Китая два подержанных фрегата и два корвета. В 2013 г. были куплены две патрульные лодки, а в конце года было подписано соглашение о продаже двух дизельно-электрических подводных лодок класса "Ming" на сумму в 203,3 млн долл.²² В мае 2014 г. стороны подписали четыре двусторонних соглашения по военному сотрудничеству, включая пункт о безвозмездной военной помощи, предусматривающий обучение бангладешских военнослужащих²³. В 2015–2019 гг. на Китай пришлось 74% вооружений, закупленных Бангладеш за рубежом. Существенное беспокойство Индии вызвало строительство Китаем базы подводных лодок «Шейх Хасина» в южной части Бангладеш, стоимостью 1,2 млрд долл.²⁴

²² Keck Z. (2003) China to Sell Bangladesh 2 Submarines. *The Diplomat*, 22 December. Available at: <https://thediplomat.com/2013/12/china-to-sell-bangladesh-2-submarines/> (accessed 20 August 2024).

²³ *Bangladesh News* (2014) 12 May.

²⁴ Hasan M. (2023) What is Driving China-Bangladesh Bonhomie? *The Diplomat*, 18 October. Available at: <https://thediplomat.com/2023/10/what-is-driving-china-bangladesh-bonhomie/> (accessed 15 July 2024).

Индия более спокойно относится к экономическому сотрудничеству своих соседей с Китаем. Это касается, в частности, модернизации глубоководного порта на острове Сонадия и порта в Читтагонге, содействия Китая в запуске первого спутника Бангладеш, а также подписания соглашений о строительстве шоссе между двумя странами, сооружении 128-километровой железной дороги, соединяющей Бангладеш и Китай через территорию Мьянмы, и создании китайской экономической и промышленной зоны в Читтагонге. В 2016 г. Бангладеш присоединилась к китайской инициативе «Один пояс, один путь». В 2023 г. инвестиции Китая – крупнейшего инвестора в экономику Бангладеш – составили 1,4 млрд долл. Около 700 китайских компаний, действующих на территории Бангладеш, создали рабочие места для более чем полумиллиона человек²⁵.

Находящаяся у власти с 2005 г. партия «Авами лиг», которая вновь победила на выборах в январе 2024 г., постепенно усиливает курс на более тесное сотрудничество с Китаем, продолжая балансировать между КНР и Индией. В то время как Пекин позитивно отреагировал на очередную победу партии, реакция Дели была сдержанной. Правда, в том же году народные волнения привели к отстранению «Авами лиг» от власти. Проблемы в отношениях между Индией и Бангладеш явно более серьезны по сравнению с китайско-бангладешскими связями.

Дакка поддержала выдвинутые Си Цзиньпином инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского шелкового пути XXI века. В их развитие, как часть этого большого проекта, был создан проект Экономический коридор БКИМ (Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма). Китайское финансирование способствовало реализации ряда крупных проектов. Например, 29 ноября 2023 г. китайская компания завершила строительство южной ветви первого в Южной Азии подводного тоннеля через реку Карнапхули, одного из участков экономического коридора БКИМ. В июне 2022 г. введен в эксплуатацию построенный китайскими специалистами мост через реку Падма стоимостью 3,6 млрд долл.²⁶, что, по оценкам экспертов, должно увеличить ВВП Бангладеш более чем на 1%. Ведутся интенсивные работы по модернизации зоны морского порта Читтагонг, где китайские компании планируют создать «умный город» с развитой системой общественного транспорта. КНР начала предоставлять Бангладеш займы на десятки миллиардов долларов для реализации различных экономических проектов.

На фоне нового витка кризиса в Тайваньском проливе бангладешские власти подтвердили приверженность принципу «одного Китая». При этом представительство Тайваня в Дакке было закрыто еще в 2008 г. в ответ

²⁵ Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (2023) China-Bangladesh Relations in 2023: Laying Solid Foundation for Splendid Future. 31 December. Available at: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbj_665378/202401/t20240105_11219041.html (accessed 15 July 2024).

²⁶ Gubin A. (2023) Bengal Lights for the Belt and Road Initiative: Specifics of Bangladesh Policy. *RIAC*, 31 January. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/bengal-lights-for-the-belt-and-road-initiative-specifics-of-bangladesh-policy/> (accessed 15 July 2024).

на требование Пекина прекратить контакты с островом в качестве предварительного условия для расширения китайско-бенгальского партнерства.

КНР поддерживает также тесные связи с Непалом, Шри-Ланкой и Мальдивами. В последнее время Пекин развивает в первую очередь экономические связи. КНР превращается в главного инвестора Непала и стала крупнейшим кредитором Шри-Ланки, где на долю КНР в 2022 г. приходилось 20% общей задолженности страны²⁷. Мальдивы также уже должны КНР 1,37 млрд долл., что составляет 20% государственного долга страны, тогда как долг перед Индией в 10 раз меньше²⁸. Китайско-мальдивский торговый оборот растет очень быстро: в 2022 г. он составил 451 млн долл., а за январь–ноябрь 2023 г. увеличился до 700 млн долл.²⁹ Китайские показатели уже близки к индийским, чей торговый оборот с Мальдивами за 2022–2023 фин.г. составил 973 млн долл.³⁰

Реакция стран региона на Специальную военную операцию на Украине

Специальная военная операция России на Украине не оказала серьезного воздействия на ситуацию в Южной Азии. Страны региона занимают различные позиции по этому вопросу, исходя в первую очередь из своих национальных интересов. Индия, Пакистан и Шри-Ланка воздерживаются при голосовании в ООН по резолюциям, касающимся Украины, тогда как Непал, Мальдивы и Бутан осуждают действия России. Позиция Бангладеш остается нестабильной: страна то голосует за осуждение России, то воздерживается.

Поскольку Индия и КНР не пытаются оказать какое-то воздействие на Мальдивы, Непал и Бутан в плане их позиции по СВО, данные малые страны оказались в западном лагере (при этом Непал рассчитывает на полноценное вхождение в ШОС). Такая позиция может принести им дивиденды от развитых стран и не нанесет никакого урона их отношениям с Индией и Китаем. Россия не проводит активной политики в этих странах, что делает их выбор еще менее конфликтным. Аналогичный подход характерен и для Бангладеш.

Наиболее двойственную политику проводит пакистанский генералитет, который, по существу, принимает все ключевые политические решения в стране. Пакистанский народ в целом крайне скептически относится к США, но в армии значительная часть военачальников продолжает на них ориентироваться. Уже летом 2022 г., после визита начальника штаба армии Пакистана Камара Баджвы в Великобританию, начались поставки современных пакистанских боеприпасов на Украину через Румынию.

²⁷ ORF (2023) Indo-Pacific Strategy. Issue Brief No. 654, August. Available at: <https://www.orfonline.org/research/locating-sri-lanka-in-bidens-indo-pacific-strategy/> (accessed 31 July 2024).

²⁸ Al Jazeera (2024) China, Maldives upgrade ties with infrastructure deals in pivot from India. 11 January. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2024/1/11/china-maldives-upgrade-ties-with-infrastructure-deals-in-pivot-from-india> (accessed 31 July 2024).

²⁹ The Hindu (2024) Maldives, China sign 20 agreements after Muizzu-Xi meeting amid diplomatic row with India. 11 January. Available at: <https://www.thehindu.com/news/international/maldives-china-sign-20-agreements-after-muizzu-xi-meeting-amid-diplomatic-row-with-india/article67728474.ece> (accessed 31 July 2024).

³⁰ Government of India. Ministry of Commerce & Industry. Department of Commerce (n.d.) Export Import Data Bank. Available at: <https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/iecnt.asp> (accessed 31 July 2024).

Стремление пакистанских проамерикански настроенных военнослужащих делать ставку на Запад очевидно. Согласно данным BBC, в августе 2022 г. Пакистан заключил контракты с двумя американскими компаниями на поставку 155-мм снарядов для Украины на сумму 364 млн долл.³¹ По другой информации, которую подтверждали некоторые официальные представители США и источники в пакистанских вооруженных силах, с лета 2022 г. по весну 2023 г. скрытые поставки Пакистаном боеприпасов Украине составили в 900 млн долл.³², за что Вашингтон в рамках тайной договоренности помог Исламабаду получить финансовую помощь от МВФ³³. Хотя пакистанская армия, администрация Дж. Байдена и МВФ опровергли эти данные, опубликованные секретные документы подтверждают факт сотрудничества.

Пакистан стремится получить от Соединенных Штатов финансовую поддержку для укрепления своего пошатнувшегося экономического положения. Одновременно Исламабад уклоняется от выполнения обязательств перед Китаем в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), базового маршрута в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь».

К 2023 г. долг Пакистана перед Китаем вырос до 30 млрд долл., что составляет почти четверть внешнего долга страны³⁴.

При этом Пакистан в рамках политики балансирования активно участвует в деятельности ШОС и декларирует полную приверженность курсу на дальнейшее укрепление связей с Китаем и Россией. Для Исламабада крайне важно «всепогодное стратегическое сотрудничество и партнерство» с Пекином, поскольку существуют опасения, что в случае глобальных изменений Китай может отказаться от его поддержки в противостоянии с Индией. Невыгодно Исламабаду и ухудшение отношений с Россией, которая начала поставлять Пакистану товары по сниженным ценам.

Заключение

После начала СВО Соединенные Штаты усилили давление на государства Южной Азии, в то время как Китай, напротив, стремится избегать провокаций в отношении Индии, акцентируя внимание на экономическом

³¹ *The Times of India* (2023) Cash-starved Pakistan's \$364 million 'secret' arms sale to Ukraine exposes 'neutral' claim: Report. 14 November. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/pakistan/cash-starved-pakistans-364-million-secret-arms-sale-to-ukraine-exposes-neutral-claim-report/articleshow/105210865.cms> (accessed 20 August 2024).

³² Grim R., Hussein M. (2023) U.S. helped Pakistan get IMF bailout with secret arms deal with Ukraine, leaked documents reveal. *Intercept*, 17 September. Available at: <https://theintercept.com/2023/09/17/pakistan-ukraine-arms-imf/> (accessed 20 August 2024); *The Times of India* (2023) Pakistan sold \$900m munitions to Ukraine for IMF bailout in US-brokered deal? 19 September. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/pakistan/pakistan-sold-900m-munitions-to-ukraine-for-imf-bailout-in-us-brokered-deal/articleshow/103769806.cms> (accessed 20 August 2024).

³³ *Business Today* (2023) IMF bailout to Pakistan linked to secret arms deal with US for Ukraine: Report. 18 September. Available at: <https://www.businesstoday.in/latest/world/story/imf-bailout-to-pakistan-linked-to-secret-arms-deal-with-us-for-ukraine-report-398817-2023-09-18> (accessed 20 August 2024).

³⁴ Hussain A. (2023) China to 'deepen and expand' military ties with Pakistan. *Al Jazeera*, 27 April. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2023/4/27/china-to-deepen-and-expand-military-ties-with-pakistan> (accessed 20 August 2024).

сотрудничестве с ее соседями. Россия, в свою очередь, не предпринимает значительных усилий для изменения подходов малых и средних стран региона к глобальным проблемам и не имеет возможности существенно повлиять на китайско-индийские отношения из-за крайне негативного восприятия азиатскими гигантами попыток посредничества между ними.

«Новая холодная война» в Южной Азии имеет латентный и очень специфический характер. В целом нельзя считать, что США и Россия проводят очень активный внешнеполитический курс в регионе: Вашингтон фокусируется на ослаблении позиций Китая и России, в то время как Москва стремится укреплять связи как с Индией, так и с Китаем. Однако в Дели считают, что Москва отдает явный приоритет Пекину. При этом Индия, имеющая существенные противоречия с КНР в Южной Азии, проводит независимый курс, не поддаваясь на стремление США превратить ее в своего военного партнера. Дели воспринимает себя как доминирующую силу региона и болезненно реагирует на политический курс Китая в Южной Азии, особенно на военнополитическое сотрудничество Пекина с государствами Южной Азии.

Для Китая Индия является в долгосрочном плане главным стратегическим соперником в Азии, а в будущем, возможно, и в мире. Подобный подход еще более характерен для Индии. Несмотря на определенную нормализацию двусторонних отношений на данном этапе, многие факторы ограничивают связи Китая и Индии, причем большинство из них является производным от базового противоречия – соперничества азиатских гигантов.

Оба государства имеют стратегическую цель становления (Индия) и укрепления (Китай) в качестве мировой державы, сохранив при этом роль регионального лидера. Но территориальная сфера базовых национальных интересов Индии уже, чем у Китая, и ограничивается в первую очередь Южной Азией, а также Юго-Восточной Азией. Можно предположить, что после становления полицентрического мира китайско-индийские противоречия будут иметь очевидную тенденцию к углублению. Следует также отметить, что страны Южной Азии, Индия и Китай стремятся получить дополнительные выгоды от резко осложнившейся ситуации в мире.

Список литературы

1. Володин А.Г. (2016) Индия и «страны Южных морей»: геоэкономические интересы и геополитические императивы. *Геополитический журнал* 4(16): 7–14.
2. Галищева Н.В., Рещикова М.С. (2021) Индийско-китайские отношения: борьба «Тигра» и «Дракона» за место под солнцем. *Международные процессы* 19(4): 104–122. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.5.
3. Галищева Н.В., Рещикова М.С. (2023) Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика* 15(1): 133–154. DOI: 10.21638/spbu13.2023.109.
4. Ежегодник СИПРИ, 2014 (2015) *Вооружения, разоружение и международная безопасность*. Москва: ИМЭМО РАН.

5. Замараева Н.А. (2023) Китай во внутренней и внешней политике Пакистана (2021–2022 гг.). В: Сафронова Е.И. (сост., отв. ред.) *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Выпуск XXVIII. Москва: ИКСА РАН. С. 130–147.
6. Куприянов А.В. (2020) Китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции индо-тихоокеанского региона. *Сравнительная политика* 11(2): 68–75. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10020.
7. Куприянов А.В. (2023) Присутствие США и КНР в регионе Индийского океана: взгляд из Нью-Дели. *США и Канада: экономика, политика, культура* 53(9): 32–45. DOI: 10.31857/S2686673023090031.
8. Лунев С.И. (2019a) Политика Китая в отношении Южной Азии и реакция Индии. В: Воскресенский А.Д. (ред.) *Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы*. Москва: Стратегические изыскания. С. 463–486.
9. Лунев С.И. (2019b) *Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия*. Москва: Юрайт. 304 с.
10. Лунев С.И. (2020a) Проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия–Индия–Китай. *Сравнительная политика* 11(2): 76–88. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021.
11. Лунев С.И. (2020b) Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. *Актуальные проблемы Европы* 1: 182–212. DOI: 10.31249/ape/2020.01.09.
12. Шавлай Э.П. (2020) Китайский фактор в индийско-американских отношениях. *Сравнительная политика* 11(2): 57–67. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10019.
13. Шаумян Т.Л. (2022) Индия на глобальных перекрестках. *Свободная мысль* 2: 145–155.
14. Bajpai K., Huang J., Mahbubani K. (2016) *China-India Relations*. Routledge. 242 p.
15. Clary C., Lalwani S., Siddiqui N. (2021) Public Opinion and Crisis Behavior in a Nuclearized South Asia. *International Studies Quarterly* 65(4): 1064–1076. DOI: 10.1093/isq/sqab042.
16. Gupta V. (1972) *Anderson Papers. A Study of Nixon's Blackmail of India*. Delhi: Indian School Supply Depot, Publication Division. 236 p.
17. Khalilzad Z. (1989) The United States in South Asia. *Current History* 88(542): 417–420. DOI: 10.1525/curh.1989.88.542.417.
18. Mazumdar A. (2014) *Indian Foreign Policy in Transition: Relations with South Asia*. London: Routledge. 244 p.
19. Mearsheimer J.J. (2021) The Inevitable Rivalry: America, China, and the Tragedy of Great-Power Politics. *Foreign Affairs* 100(6): 48–58.
20. Mohan C. (2012) *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 330 p.
21. Musharraf P. (2006) *In the Line of Fire: A Memoir*. N.Y.: Free Press. 368 p.
22. Singh S. (2013) *India in South Asia: Domestic identity politics and foreign policy from Nehru to the BJP*. London: Routledge. 176 p.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-7

INDIA–CHINA–USA TRIANGLE IN SOUTH ASIA

Dr. Sergey I. LUNEV – Dr. of Science (History), Professor, MGIMO University; Principal Chief Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-5850-1188. E-mail: silounev@gmail.com
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Dr. Anatoly Yu. DAVYDENKO – Assistant Professor, MGIMO University.
E-mail: andavy10@mail.ru
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received April 18, 2024

Accepted October 31, 2024

Abstract: The article examines the transformation of South Asia, highlighting the distinctive characteristics of the foreign policy strategies of major powers, the interplay between regionalization and globalization, and the prospects for either confrontation or interdependence among the region's dominant states. South Asia is currently undergoing multifaceted and ambiguous repercussions of significant geopolitical shifts, underscoring the growing importance of analyzing the contemporary phase of interstate relations in this region. South Asia, in many ways, mirrors the broader global changes but on a smaller scale. The region comprises countries with stark disparities in territory, population, economic capacity, scientific and technological advancement, military power, as well as cultural and civilizational traits – all of which significantly shape interstate relations. India's dominance within the region fosters distrust among its neighbors and exacerbates their perception of vulnerability. Consequently, these states increasingly seek to strengthen their positions in both regional and international arenas by leveraging relationships with extra-regional powers, most notably China. Moreover, unresolved disputes with India are frequently brought to the attention of the international community. The article also addresses the impact of external factors on South Asia's international relations system, focusing on the substantial shifts in the strategies of major powers following the Cold War. It explores key issues such as the Indian–Chinese rivalry in the region, the United States' adverse influence, and Russia's policy toward South Asia.

Keywords: South Asia, India, China, USA, Russia, confrontation, “new cold war”, foreign policy strategy

References:

1. Bajpai K., Huang J., Mahbubani K. (2016) *China-India Relations*. Routledge. 242 p.
2. Clary C., Lalwani S., Siddiqui N. (2021) Public Opinion and Crisis Behavior in a Nuclearized South Asia. *International Studies Quarterly* 65(4): 1064–1076. DOI: 10.1093/isq/sqab042.
3. Ezhegodnik SIPRI, 2014. (2015) Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'. Moscow: IMEMO RAS. (In Russian).
4. Galishcheva N.V., Reshchikova M.S. (2021) Indijsko-kitajskie otnosheniya: bor'ba «Tigra» i «Drakona» za mesto pod solncem [Indian–Chinese relations: the struggle of the «Tiger» and the «Dragon» for a place in the sun]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends]* 19(4): 104–122. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.5. (In Russian).
5. Galishcheva N.V., Reshchikova M.S. (2023) Indiya i Kitaj v Yuzhnoj Azii: bor'ba za politicheskoe i ekonomicheskoe vliyanie v regione [India and China in South Asia: the struggle for political and economic influence in the region]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika [Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African Studies]* 15 (1): 133–154. DOI: 10.21638/spbu13.2023.109. (In Russian).
6. Gupta V. (1972) *Anderson Papers. A Study of Nixon's Blackmail of India*. Delhi: Indian School Supply Depot, Publication Division. 236 p.
7. Khalilzad Z. (1989) The United States in South Asia. *Current History* 88(542): 417–420. DOI: 10.1525/curh.1989.88.542.417.
8. Kupriyanov A.V. (2023) Prisutstvie SShA i KNR v regione Indiiskogo okeana: vzgliad iz N'iu-Deli [The presence of the United States and China in the Indian Ocean region: a view from New Delhi]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA and Canada: Economics, Politics, Culture]* 53(9): 32–45. DOI: 10.31857/S2686673023090031. (In Russian).

9. Kupriyanov A.V. (2020) Kitajskij faktor v formirovanii indijskogo podxoda k koncepcii indo-tihookeanskogo regiona [The Chinese factor in the formation of the Indian approach to the concept of the Indo-Pacific region]. *Sravnitel'naia politika [Comparative Politics]* 11(2): 68–75. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10020. (In Russian).
10. Lunev S.I. (2019a) Politika Kitaya v otnoshenii Yuzhnoj Azii i reakciya Indii [China's policy towards South Asia and India's reaction]. In: Voskressensky A.D. (ed.) *Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: ochenki, diskussii, prognozy [The model of the development of modern China: assessments, discussions, forecasts]*. Moscow: Strategicheskie izyskaniya. Pp. 463–486. (In Russian).
11. Lunev S.I. (2019b) *Regionalizatsiya i integratsiya: Indiya i Yuzhnaya Aziya [Regionalization and integration: India and South Asia]*. Moscow: Yurajt. 304 p. (In Russian).
12. Lunev S.I. (2020a) Problemy terrorizma i podkhody k Afganistanu v treugol'nike Rossiia-Indiia-Kitai [Problems of Terrorism and Approaches to Afghanistan in the Russia-India-China Triangle]. *Sravnitel'naia politika [Comparative Politics]* 11(2): 76–88. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021. (In Russian).
13. Lunev S.I. (2020b) Rossiia i Indiia v Indo-Tihookeanskom regione i faktor SShA [Russia and India in the Indo-Pacific region and the US factor]. *Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]* 1: 182–212. DOI: 10.31249/ape/2020.01.09. (In Russian).
14. Mazumdar A. (2014) *Indian Foreign Policy in Transition: Relations with South Asia*. London: Routledge. 244 p.
15. Mearsheimer J.J. (2021) The Inevitable Rivalry: America, China, and the Tragedy of Great-Power Politics. *Foreign Affairs* 100(6): 48–58.
16. Mohan C. (2012) *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 330 p.
17. Musharraf P. (2006) *In the Line of Fire: A Memoir*. N.Y.: Free Press. 368 p.
18. Shaumyan T.L. (2022) Indiia na global'nykh perekrestkakh [India at global crossroads]. *Svobodnaia mysl' [Free Thought]* 2: 145–155. (In Russian).
19. Shavlaj E.P. (2020) Kitaiskii faktor v indiisko-amerikanskikh otnosheniiakh [The Chinese factor in Indian-American relations]. *Sravnitel'naia politika [Comparative Politics]* 11(2): 57–67. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10019. (In Russian).
20. Singh S. (2013) *India in South Asia: Domestic identity politics and foreign policy from Nehru to the BJP*. London: Routledge. 176 p.
21. Volodin A.G. (2016) Indiya i «strany Yuzhnykh morei»: geoekonomicheskie interesy i geopoliticheskie imperativy. [India and the «South Sea countries»: geo-economic interests and geopolitical imperatives]. *Geopoliticheskij Zhurnal [The Geopolitical Journal]* 4(16): 7–14. (In Russian).
22. Zamaraeva N.A. (2023) Kitaj vo vnutrennej i vneshnej politike Pakistana (2021–2022 gg.) [China in the domestic and foreign policy of Pakistan (2021–2022)], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. Vypusk XXVIII: ezhegodnoe izdanie [China in world and regional politics. History and modernity. Issue XXVIII: Annual edition]*. Moscow: IKSA RAS. Pp. 130–147. (In Russian).